

A medieval manuscript illumination depicting a court scene. In the background, a large stone castle with multiple towers and spires sits atop a hill. The foreground shows a group of people in elaborate 14th-century attire. On the left, a man in a blue robe with gold crown motifs and a red feathered hat stands next to another man in a black hat. A woman in a black dress with a red shawl and a crown of orange flowers stands next to a woman in a blue patterned dress with a black feathered headdress. In the center, a woman in a black and blue dress with a blue polka-dot hat is kneeling, presenting a book to a woman in a red dress who is also kneeling. The scene is set in a green landscape with a row of trees and a stone wall.

Историк и общество средневекового Запада

Памяти профессора
Нины Александровны Хачатурян

УДК 94(4)04/14"

ББК 63.3(4)4

И 901

*Печатается по решению Ученого совета
Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
и Ученого совета Института всеобщей истории РАН*

Рецензенты:

д.и.н., проф., академик РАН С. П. Карпов
(МГУ имени М. В. Ломоносова)

д.и.н., проф., член-корр. РАН П. Ю. Уваров (ИВИ РАН)

д.и.н., проф. А. Ю. Прокопьев (СПбГУ)

Редакционная коллегия:

д.и.н. М. В. Винокурова; к.и.н., доц. Т. П. Гусарова;

д.и.н., проф. О. В. Дмитриева; д.и.н., проф. А. А. Паламарчук;

д.и.н., проф. С. Е. Федоров; д.и.н. С. К. Цатурова; О. В. Савельер

Ответственные редакторы:

д.и.н., проф. С. Е. Федоров, д.и.н. С. К. Цатурова

И 901 Историк и общество средневекового Запада. Памяти профессора Нины Александровны Хачатурян / отв. ред. С. Е. Федоров, С. К. Цатурова. – СПб.: Алетейя, 2021. – 468 с., ил. – (Bibliotheca Medii Aevi).

ISBN 978-5-00165-342-4

Предлагаемая вниманию читателя монография посвящена научному наследию Нины Александровны Хачатурян (1931—2020) – доктора исторических наук, заслуженного профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, крупнейшего отечественного медиевиста, ведущего российского специалиста по политической истории западноевропейского Средневековья и истории средневековой Франции, видного организатора науки, создателя школы франковедения в России, воспитавшего несколько поколений российских историков. Книга состоит из двух частей, раскрывающих с разных сторон личность историка и его взгляд на изучаемое им средневековое общество. В первой части собраны труды Н. А. Хачатурян, написанные за последние годы, а также знаковые фундаментальные работы прошлых лет. Вторая часть написана коллегами и учениками Н. А. Хачатурян и посвящена анализу ее творческого наследия в различных областях исторического знания.

УДК 94(4)04/14"

ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-00165-342-4

9 785001 653424

@biblioclub: Издание зарегистрировано
ИД «Директ-Медиа» в российских
и международных сервисах
книгоиздательской продукции: РИНЦ
DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2021

© С. Е. Федоров, С. К. Цатурова, составление, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИЕВИСТИКИ

- Хачатурян Н. А.* Явление «публичность» в высшей форме политической организации – государстве в средневековой Западной Европе 9
- Хачатурян Н. А.* Проблема «Материального соблазна» в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения) 19
- Хачатурян Н. А.* Явление собственности в параметрах метафизики исторического процесса и средневековой реальности 48
- Хачатурян Н. А.* Проблема этносов и протонаций в контексте социально-экономической и политической эволюции средневекового общества в Западной Европе 63

КОРОЛЬ, ДВОР, ГОСУДАРСТВО

- Хачатурян Н. А.* К вопросу о природе французской сословной монархии 83
- Хачатурян Н. А.* Королевский двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) 108
- Хачатурян Н. А.* Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент. 124
- Хачатурян Н. А.* «Король – император в своем королевстве»... Политический универсализм и централизованные монархии . 140
- Хачатурян Н. А.* Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) 164

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- Хачатурян Н. А.* Великая хартия вольностей. Документ и знаки времени в контексте историописания. 177
- Хачатурян Н. А.* Средневековый парламентаризм: к вопросу о предыстории европейского гражданского общества. 189

<i>Хачатурян Н. А.</i> Феномен сословного представительства в контексте проблемы <i>État moderne</i>	203
--	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ: ЛЮДИ И ИДЕИ

<i>Хачатурян Н. А.</i> Эпистемология истории исторического знания (к постановке вопроса)	215
<i>Хачатурян Н. А.</i> Оценить и понять.	236
<i>Хачатурян Н. А.</i> Честь и достоинство историка. Неоконченное интервью с Бернаром Гене.	244
<i>Хачатурян Н. А.</i> А. А. Сванидзе – личность, труды, поколение . . .	254
<i>Хачатурян Н. А.</i> Творчество Е. В. Гутновой (1914–1992) в контексте потенциала отечественной медиевистики	281

О НАСЛЕДИИ Н. А. ХАЧАТУРЯН

<i>А. О. Чубарьян, С. Е. Федоров.</i> За пределами «материального соблазна»	301
<i>С. К. Цатурова.</i> Европейский феномен сословного представительства в творческом наследии Нины Александровны Хачатурян	319
<i>А. А. Паламарчук.</i> Взгляд на корпоративизм с разных берегов Ла-Манша, или уроки Н. А. Хачатурян для англоведа.	341
<i>О. В. Дмитриева.</i> Двор европейского монарха в трудах Н. А. Хачатурян.	356
<i>М. В. Винокурова.</i> Нина Александровна Хачатурян о содержании понятия «феодализм».	367
<i>Е. Н. Кириллова.</i> Проблемы истории средневекового города в творчестве Н. А. Хачатурян	394
<i>Т. П. Гусарова.</i> История длиною в четверть века: Власть и общество средневековой Европы и их жизнь в проекте Н. А. Хачатурян.	411
<i>О. В. Савельер.</i> О том, как карлики взбирались на плечи гигантов	425
<i>И. С. Пичугина, М. В. Золотухина.</i> Памяти Нины Александровны Хачатурян	436
Список трудов Н. А. Хачатурян (<i>Составитель Е. С. Титова</i>)	445
Список учеников Н.А. Хачатурян (<i>Составитель Е. С. Титова совместно с И. Д. Вавочкиной</i>)	461

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
МЕДИЕВИСТИКИ**

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ЯВЛЕНИЕ «ПУБЛИЧНОСТЬ» В ВЫСШЕЙ ФОРМЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ – ГОСУДАРСТВЕ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Явление «публичность», номинированное безыскусной языковой формой [publicus, publicité], однозначно передающей его качество «всеобщности» (множественности), подчеркивающей альтернативу «единичному» (частному) (privatus, privé), – обрело исключительную значимость в жизни социума Его понятие, востребованное как в обыденной, так и интеллектуальной среде, оказывается весьма значимым в контексте исторического знания, будучи связанным с предметным содержанием последнего – социальными связями и жизнью в целом человеческого социума¹. Эпистемология исторического знания сегодняшнего дня позволяет говорить о способности явления формировать специальные научные проблемы и даже направления, в частности, в медиевистике. Расширение потенциала исследовательского поиска оказывается связанным с принципиальными изменениями в философии истории.

Приведу несколько примеров:

1. В XIX веке тема «публичности» обрела глубину в направлении «социальной истории». Оно подчеркнуло предметность исторической дисциплины и укорененность политической истории – долгое время казавшейся основной формой исторической рефлексии, – в социальную среду. Направление, которое позволило, в частности, разработать в XX столетии типологию форм средневековых государств в контексте их социального развития. В условиях новой философии истории XX столетия, обогатившей историческое знание идеями системного

---

¹ Статья представляет собой текст доклада, прочитанного на пленарном заседании Первого Петербургского исторического форума, состоявшегося в Санкт-Петербургском государственном университете 29.10 – 3.11. 2019.

развития, свободного от лимитов «материального соблазна», социальное направление заложило убедительную базу в разработке социальной типологии политических форм средневековой государственности, в частности, в отечественной медиевистике, – базу, резервы которой еще не исчерпаны. В теме «власти», например, в качестве основного показателя явления публичности – актив в изучении «сословной монархии» определил сущностную и противоречивую структуру явления – проблему соотношения личности и власти в социуме, взятую в контексте оценки социальной зрелости общества.

2. Революционный по значимости прорыв новой философии истории XX века, наиболее убедительным образом реализованный в решении проблемы сознания – а именно – преодолевший не только свойственную позитивизму и экономизму недооценку его роли в историческом процессе, но и казавшуюся вечной альтернативу материи и сознания. Новая формула их неразрывности и взаимопроникновения в контексте интересующей нас проблемы заметно облегчила возможность решения трудной и интригующей задачи изучения роли субъективного частного фактора в историческом процессе – объективного по своей природе, но реализуемого актором процесса. В экспериментальном пространстве исторического знания XX–XXI столетий проблема «частного» начала – личности в публичном мире социума стала объектом изучения во множестве направлений – «человеческой», ментальной истории, в культурно-исторической антропологии, обеспечившей измерение политической истории в параметрах культуры и сознания. Заслуживают внимания научные разработки «частной жизни», начатые по инициативе Берлинского Института Высших Исследований в 80-е гг. XX века. Третий том пятитомной работы был создан в коллаборации с участием западноевропейских и американских ученых, в частности Ж. Дюби, Р. Шартье, Ж. Ревеля, М. Эмара и многих других². Анализ темы дан в контексте радикальных изменений в сознании социума на этапе от Ренессанса до Просвещения [отношение к браку, семье, организации домашнего пространства, к образованию, личным увлечениям (дневниковые записи), восприятию власти], – свидетельствующих о росте самопознания и автономизации индивидуального сознания, – показатели, формирующие процесс социальной зрелости

---

² A History of Private Life. Vol. 3. Passions of the Renaissance / Ed. by R. Chartier. Cambridge, 1989.

западноевропейского социума, в частности на уровне непривилегированных слоев социума.

Отличительным знаком (*image de marque*) исторических знаний XX–XXI столетий стал протест против схематизма (мобилизация, в частности, принципов относительности и вариативности). Любопытным примером «духа раскованности» сознания служит творчество М. Фуко³, давшего расширенное толкование категории «власти», включив в него формы частной жизни социума: власть дома и семьи, школы, зубоучастия кабинета, поликлиники, этики, психиатрической больницы и тюрьмы, – в совокупности с политической властью государства они создают для человека, по его мнению, состояние паноптизма – поднадзорности. В контексте интересующего нас вопроса – исследование расширяет пространство изучения вопроса о положении личности в социуме.

И еще одна позиция в кратком разделе историографии темы – проект 1990-х гг., посвященный теме *L'État Moderne*⁴. Речь идет о средневековой государственности эпохи позднего Средневековья, – непосредственной предыстории государств Нового времени, реализовавших переход от патримониальных государств к публично-правовым (инициатива западноевропейских ученых, получившая поддержку отечественных ученых-историков⁵). Проект смещает центр исследований

---

³ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы М., 2016; Фуко М. Рождение клиники. М., 2014; Фуко М. История безумия в классическую эпоху. М., 2010.

⁴ *Economic Systems and State Finance* / Ed. by R. Bonney. Oxford, 1995; *Legislation and Justice* / Ed. by A. Padoa-Schioppa. Oxford, 1997; *Power Elites and State Building* / Ed. by W. Reinhard. Oxford, 1996; *Resistance, Representation and Community* / Ed. by P. Bickel. Oxford, 1997; *The Individual in Political Theory and Practice*. Oxford, 1996; *Iconography, Propaganda and Legitimation* / Ed. by A. Ellenius. Oxford, 1999; *War and Competition between States* / Ed. by Ph. Contamine. Oxford, 2001.

⁵ Хачатурян Н.А. Феномен сословного представительства в контексте проблемы *État Moderne* // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 34-43; Федоров С.Е. Логика *L'État Moderne* // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 10 (96). Т. 11. 2020; Паламарчук А.А. Консилиаризм в теории и практике административно-правовых институтов в Англии XI–XVI вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». Выпуск 10 (96). Т. 11. 2020; Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждения о формуле власти // *Средние века*. 2020. Вып. 81 (1). С. 21-30; Цатурова С.К. Судьбы проекта *État Moderne* в России (заметки участника конференции) // *Средние века*. 2019. Т. 80 (1). С. 112-121.

в институциональную и правовую сферу жизни средневекового общества, представляющую значительный интерес данными, иллюстрирующими максимум возможного в потенциале средневековой государственности⁶.

Актив исторического знания в решении проблемы «публичности», – явления, призванного обеспечить само существование сообщества в нормах права и справедливости, позволяет оценить в качестве ее сущностного принципа – дилемму «личности и социума». На этапе преодоления «дикости» социум отменит реализацию этого понятия в контексте «права сильного». Затянутый во времени этап социального неравенства подчеркнет сильную зависимость решения этого вопроса от «зрелости общества»; конкретные особенности в развитии исторического процесса сделают это решение вариативным.

Сужая исследовательскую задачу в теме «социум и личность», – в короткой статье я позволю себе выделить только некоторые особенности ее решения в варианте средневекового западноевропейского развития.

1. Особенности дофеодального периода

Две большие этнические общности на Европейском континенте – славянская и германская, – вступили на путь цивилизационного развития на том витке исторического времени, которое в историческом знании получило условное название «Средневековье». В своей исходной точке новый этап оставил позади тяжелый период выхода из состояния дикости и упомянутые народы миновали выраженный на этом пути уклад в виде рабства, когда численность рабов превышала количество военнопленных, а реализация хозяйства требовала участия теряющих свободу соплеменников.

Причина этого явления остается не совсем ясной. Действовал ли мистический фактор Времени, отражая общий итог в развитии земной цивилизации, как целостного организма?

Присутствовал ли здесь фактор влияния, который в западноевропейском регионе обрел исключительное значение в форме синтеза –

⁶ См. также: L'État Moderne et les élites, XIIIe – XVIIIe siècles. Apports et limites de la méthode prosopographique. / Éd. par J.-P. Genet, G. Lottes. P., 1996; L'État Moderne: Genèse, bilans et perspectives / Éd. par J.-P. Genet. P., 1990; L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État / Éd par J.-P. Genet, N. Coulet. P., 1990.

глубокого взаимодействия на всех уровнях развития народов региона с высокоразвитой Римской Империей, – синтеза, который можно считать исключительным подарком исторической судьбы для развития западноевропейской цивилизации; подарка, позволившего ей выйти на передовые рубежи в мировом историческом процессе к началу Нового времени.

В этом процессе, несомненно, имевшего место взаимодействия сторон мне хотелось бы подчеркнуть значимость субъективного компонента:

а) «практический опыт» римского социума, в котором бесспорно присутствовали осознанные попытки преодолеть «нерентабельность» (говоря современным языком) хозяйства с применением рабского труда в масштабах латифундии, – отнюдь не редкие случаи отпуска рабов на свободу – и самое любопытное, – в условиях исчезновения свободного крестьянства в качестве условия общественной структуры с рабовладельческим укладом – их трансформация не в рабов, но в колонов, предвосхищавших средневековых крестьян.

б) западноевропейский социум на длительном этапе дофеодального периода в свою очередь внес свой практический опыт, как результат субъектных усилий членов общества. Он стал результатом конкретных усилий в оформлении общественной структуры, обеспечившей единственно необходимую на том этапе прогресса форму использования мелкого производства – сохранение в руках производителя орудий труда. Неслучайно именно Средневековье завершит доиндустриальный период в истории человеческой цивилизации, обеспечив беспрецедентный прогресс в развитии производительных сил. Можно ли рассматривать пережитый опыт в качестве актива социальной зрелости западноевропейского общества? Тем более, что в рамках архаической государственности складывались нормы, которые формировали базу правовой системы дофеодального периода, укрепляя статус свободного члена общины:

- практику «возмездия» вытеснял выкуп или изгнание;
- отменяя право на применение силы, появилась новая формула принципа справедливости: *«Следует отдать государству то, что ему принадлежит, и каждому частному лицу то, что составляет его достояние»*⁷.

---

⁷ Хачатурян Н. А. Боден Ж. Шесть книг о государстве. Перевод и комментарии // Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. 2. М., 1999. С. 688–695.

Это «достояние» какое-то время воплощала «первобытная демократия», когда решение публичных проблем реализовало мужское население – воинов социума, прибегавших при выработке решений к «голосу толпы» («par tourbe»). Можно допустить, что подобные изменения в социуме не могли не стимулировать историческую память, воздействуя на сознание и, следовательно, его социальный опыт. Ситуацию радикально меняет возникновение социального неравенства, результатом которого станет возникновение авторитарной власти, – отчужденной от общества, с правом принуждения и монополией на закон. Церковь освятит эту ситуацию формулой «Власть спускается с небес»; светская теория объяснит ее необходимость добровольной передачей власти со стороны социума, «поскольку социум запутался в противоречиях».

Авторитарная власть и социальное неравенство, а тем более, социальная зависимость, станут условием отстранения большей части социума от решения «государственных» дел⁸.

Конкретный итог развития западноевропейского социума подтверждает, на наш взгляд, справедливость оценки сегодняшней исторической наукой причины социальных и политических лимитов в обществе – природой общественной структуры (ее эволюцию – становление, расцвет, уход с исторической арены) – и механизм ее функционирования. Особенности этого механизма, в свою очередь, определяют «ведущие» силы общества в качестве собственников основных средств существования, связанный с этим их политико-юридический статус, а также статус тех, кто приводит этот механизм в действие, в частности, – в сфере производства.

---

⁸ Аристотель, называя требуемые для исторического анализа категории «общего» и «единичного», – наряду с традиционными – «сущность», «качество», «количество», «время», «действие», «отношение», – упоминает менее абстрактные, несущие оттенок субъективности, – «самонахождение» (почти самоидентификация), – «обладание», – «страдание» (!). См.: *Аристотель. Категории* // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 2. / под ред. З.Н. Микеладзе. М., 1978. С. 51–90.

2. Явление «публичности» – вторая особенность Средневековья в контексте «средневекового полицентризма»

Слабость механизма средневековой общественной структуры – как бы странно это ни звучало, – предопределила еще одну особенность в социальном развитии западноевропейского социума, включая явление «публичности», а именно – полицентризм, – диссолюцию политической государственной власти. Общественная структура в условиях мелкого производства, но при сохранении орудий труда в руках мелкого производителя, лишившегося в условиях аграрного переворота только земли, – создала двусмысленную ситуацию отношений «партнерства» и «принуждения» с собственником земли.

Слабость средневековых монархий на этапе патримониальной государственности, в условиях оформления феодальных отношений, – неизбежно завершится появлением уникальной в политической истории социума формой легитимизованного полицентризма, когда заданное принуждение ляжет на плечи индивидуальных собственников земли. Земельные владения частных лиц превращаются в сеньории (франц. *banales*), властные образования с правом принуждения, запускающего механизм общественной жизни социума. Публичные функции оказываются в руках частных лиц, автономность которых подкрепляет правовая практика иммунитета, вплоть до запрета государственным должностным лицам пересекать границы частных вотчин. Ситуация резко ограничивает наполненность явления публичности в руках монарха, подчеркивая его близость частному сектору, поскольку источником силы монарха оказывается, по преимуществу, земля – король *lieu-feux*, – только сюзерен – «первый среди равных» с крайне слабым исполнительным аппаратом (*police*) и службой, основанной на личностных связях.

Можно ли считать явление полицентризма одним из каналов формирования в обществе его социальной зрелости, накопления социального опыта и активности, хотя бы в части общества? Соблюдая принцип относительности, нельзя не заметить, что полицентризм воплощал, в первую очередь, сущностные особенности земельной собственности феодалов и масштабность связанного с этим ослабления центральной власти. Вместе с тем, нельзя не заметить, что первое по времени свидетельство проявления очень важного процесса корпора-

тивной самоидентификации в средневековом обществе, которое стало свидетельством и условием консолидации и активизации социальных сил в целом – продемонстрировали именно земельные собственники. Именно они создали вассально-сеньориальную организацию по защите своих не только экономических, но и политических интересов, – организацию, защищенную нормами права и разработанной с помощью церкви и военной практики – этикой военного сословия, получившего статус нобилитета. Есть еще одно интересное свидетельство причастности господствующей политической силы в Западной Европе к явлению «публичности» в средневековом западноевропейском обществе. Я имею в виду опыт управления частными доменами, содержание которого составили меры по реализации судебных, административных и хозяйственных функций феодалом, потребовавшие комплектования кадров, особенно на уровне крупных территориальных образований – типа бургундского и, тем более, королевских дворов⁹. Этот опыт можно рассматривать в качестве матрицы институтов *police* в процессе формирования публично-правовой государственности.

3. Опыт явления публичности в средневековом парламентаризме

Процесс сословно-корпоративного самоопределения общественных сил, получивший в регионе Западной Европы институциональную и правовую завершенность, к которому присоединилась непривилегированная часть социума, имел своим результатом оформление органов «сословного представительства» или «средневековые парламенты». Они стали самой яркой – более того, – уникальной попыткой (только в Европе на этапе Средневековья, – и в подобной форме) широкого фронта членов социума реализовать свое право на решение проблем публичной жизни¹⁰. Базой явления стал этап зрелости общественной

⁹ *Хачатурян Н.А.* Тема королевского двора в российской медиевистике: рефлексии и эксперимент // Электронный научно-образовательный журнал. «История». 2014. Т. 6 Вып. 4 (37) <http://history.jes.su/S207987840001025-6-1/>; *Хачатурян Н.А.* Королевский двор в институциональной истории западноевропейской средневековой государственности (к вопросу о преемственности в процессе развития) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 10 (96) <https://history.jes.su/s207987840011669-4-1/>

¹⁰ *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989; *Цатурова С.К.* «Парламент при своем возникновении был Государственным со-

структуры, который позволил развернуть ее потенциал. В качестве объяснения приведу два аргумента:

1. Эффект развития мелкого производства в средневековой форме его реализации (производитель – собственник орудий труда), – ситуация, которая только в Средневековье обеспечила в процессе общественного разделения труда деление производства на две самостоятельные сферы (аграрную и индустриальную). Развитие собственности на орудия труда подорвало исключительность земельной формы собственности, облегчив вектор движения к созданию доменной печи – знаку рождения новой общественной структуры, ликвидирующей мелкое производство.

2. Вторым показателем стала отмена личной зависимости и, как следствие – рост в этих условиях социальной активности в среде зависимого населения. И, наконец, – процесс формирования публично-правовой формы государственности, идущей на смену патримониальной монархии, – лишившей королевскую власть ореола и статуса «величия» (*majesté*)¹¹ и напомнивший об ее обязанности «служения». Все эти новации внесли свой вклад в публичное сознание общества, выдвинувшего формулу «*Quod omnes tangit ab omnibus tractari*»¹². Средневековый социум преодолел принцип комплектования общественных органов с правом личного участия (республиканская Греция с правом всех свободных, позднее ограниченного имущественным цензом; или участие всех прямых вассалов короля в ассамблеях королевской курии или в куриях сеньоров на местах)¹³. В выборной практике средневекового

бранием»: истоки политических притязаний парламентариев (размышления о своеобразии французской монархии) // Средние века. Вып. 75. (3–4). 2014. С. 9–42; *Цатурова С.К.* Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012; *Palamarchuk A.A., Fyodorov S.E.* Parliamentary Protestations and Political Culture in Revolutionary England // *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2017. № 3. 2017. P. 655-660

¹¹ *Хачатурян Н.А.* Король-sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе (морфология понятия власти) // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / Под ред. Н.А. Хачатурян М., 2006. С. 19–28.

¹² См. подробнее: *Congar Y.* «*Quod omnes tangit ab omnibus tractari et approbati debet*» // *Revue historique de droit français et étranger*. № 35. 1958. P. 210–259; *Marongiu A. Q.O.T., principe fondamental de la démocratie et du consentement au XIVème siècle* // *Album Helen Maud Cam*. 2 vols. Louvain, 1961. Vol.2. P. 101–115.

¹³ *Хачатурян Н.А.* Суверенитет, закон и «вся община»: взаимодействие и дихотомия власти и общества // *Власть, общество, индивид в средневековой Европе* / Под ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 5–10.

парламента оформился «публичный мандат» депутатов трех сословий, трансформировавший частный мандат, известный римскому праву: «*Quid facit per alium – facit per se*». Его «публичность» лимитировал компонент ограничений («императивный мандат») с требованием точно соблюдать инструкции выборщиков – особенность, которая обеспечит право неприкосновенности депутата, но станет препятствием для выработки тогда казавшегося убедительным свидетельством «демократичности» представительного учреждения – принципа большинства. Сословный характер выборов и ограничительные инструкции мандата, которые консервировали явления местничества, – подтверждали неспособность в условиях Средневековья преодоления явления полицентризма, несмотря на усилия центральной власти на этом пути.

Несмотря на очевидные лимиты средневековых представительных учреждений, их совещательную по преимуществу роль, – они стали предысторией парламентов Нового времени, обеспечивших практически в качестве монопольной форму республиканского устройства. Весьма любопытно, что они, – как показало время, – обозначили необходимость решения в будущем некоторых проблем. По результатам достижений буржуазных революций, установивших равенство всех членов социума перед законом, отменой сословного деления, – парламенты смогли ввести принцип большинства, который сегодня, однако, вызывает озабоченность интересами меньшинства в обществе.

В практике средневековых парламентов обращает на себя внимание озабоченность депутатов проблемой реализации их решений. Деятельность испанских кортесов, например, знает попытки создания «постоянных комиссий» в период между сессиями; французские депутаты посылают своих представителей в Королевский Совет, высвечивая проблему соотношения общественных и исполнительных органов уже на том этапе. Высокий уровень институциональной зрелости современных государств усложнит ситуацию оформлением бюрократии, получившей исключительную значимость в политической жизни общества (власть принадлежит бюрократии – в трудах известного французского социолога Бурдьё¹⁴), – обстоятельство, которое не могло не отразиться на состоянии гражданского сообщества и положении личности в социуме.

---

¹⁴ Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016; Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2005

ХАЧАТУРЯН Н. А.

ПРОБЛЕМА «МАТЕРИАЛЬНОГО СОБЛАЗНА» В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ (лимиты и достижения)¹⁵

Новая попытка анализа автором статьи обозначенной им проблемы вызвана состоянием современного исторического сознания и знания¹⁶. Имею в виду трудности, которые возникли в исторической науке в близком нам по времени XX столетии, когда состоялось рождение новой философии истории с радикальной переоценкой роли сознания в историческом процессе и природе соотношения материи и духа: отечественная медиевистика с трудом преодолевала издержки «материального соблазна» – вызванного толкованием экономического фактора в лимитах позитивизма и марксизма, объявленного тогда официальной методологией. Последнее обстоятельство усилило деструктивное начало в процессе ее обновления во второй половине и особенно в конце XX в.¹⁷

¹⁵ Впервые опубликовано в: *Хачатурян Н.А.* Проблема материального соблазна в историческом знании конца XIX – начала XXI столетий (лимиты и достижения) // Концепт-явление «собственность» в общественной структуре западноевропейского Средневековья / под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2020. С. 30–59.

¹⁶ Статья представляет собой дополненный в ряде позиций вариант текста в электронной публикации материалов научной конференции, посвященной теме собственности в условиях Средневековья, которая состоялась в апреле 2017 г. и была организована Отделом западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени ИВИ РАН и научной группой «Власть и общество» при кафедре истории средних веков Исторического факультета МГУ: Собственность в средневековой Западной Европе (земля–власть–право). Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 8 (62): [Электронный ресурс] URL <https://history.jes.su/s207987840002002-1-2>.

¹⁷ *Хачатурян Н. А.* Современная отечественная медиевистика в контексте мировой исторической науки // Средние века. 2001. Вып. 62. С. 195–212.

В медиевистике процесс обновления сопровождал очевидный отход от социально-экономической истории – направления, успехи которого отличали отечественную науку, начиная со второй половины XIX столетия. Последствия очевидного диктата «официальной методологии» в известной мере предопределили «скупой» интерес отечественных медиевистов к серьезному критическому анализу марксистской философии в контексте экономической теории, переключивших свое внимание на проблемы духовной и политической истории, которые ранее оценивались в качестве «вторичных» по значимости – согласно теории «базиса и надстройки». Исследовательский поиск в этой области предпринимался по преимуществу в экспериментальном пространстве исторического знания.

В качестве редких примеров «публичного внимания» медиевистов того периода к теории марксизма можно назвать дискуссию о генезисе феодализма по книге А. Я. Гуревича в 1970 г., в которой обсуждалось смелое по тем временам, но, к сожалению, на тот момент не мотивированное в возможностях новой философии истории предложение автора противопоставить аграрному перевороту в качестве основной причины возникновения феодальной зависимости желание или необходимость части общинников обрести «покровительство», которое вело к установлению *личностных* связей с последующей возможностью оформления личной зависимости¹⁸. Личностные связи действительно стали особенностью социальных отношений средневекового общества, причина которой, как и в историческом знании XIX столетия, не была объяснена. Повторяя состояние исторического знания XIX столетия, проблема решалась в традиционном противопоставлении «материи и духа», и никому из участников собрания: ни для «пионеров обновления», с их открытой и в тех условиях смелой оппозицией марксизму; ни для умеренных сторонников «обновления марксизма»¹⁹, желавших смягчить остроту дискуссии и не допустить возвращения в научную жизнь ее политизированных форм и поэтому предлагавших «учесть оба фактора» в процессе генезиса – экономического и личностного; ни тем более для строгих «ревнителей марксистского благочестия», – осталось непонятым, что

¹⁸ Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1971; Плешкова С. Л. Об учебном пособии «Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе» // Вопросы истории. 1970. № 9. С. 154–167.

¹⁹ Линия поведения, которую олицетворял руководитель кафедры академик С. Д. Сказкин.

речь шла, по существу, о *вариантах* конкретного процесса формирования зависимости. Разрыв их связи демонстрировал бинарный характер мышления участников, для которых оставалось привычным сохранение альтернативы в оценке соотношения «материи и духа» и, следовательно, незнание на тот момент (начало 1970 гг.!), несмотря на знакомство с трудами направления Анналов или с трудом принимаемое сознанием самого радикального по преодолению механицизма мышления достижения новой эпистемы в видении исторического процесса: «материальное в духовном, духовное в материальном».

Сегодня, даже на уровне бытового сознания, кажется очевидной невозможность предположения, что рядовой общинник мог «обеспечить покровительство» нуждавшемуся в нем соплеменнику: процесс формирования социальной зависимости шел на фоне «аграрного переворота».

Не получило серьезного публичного обсуждения направление структурализма, которое в западной медиевистике к середине XX в. заметно обогатило понимание марксистского принципа системного развития исторического процесса признанием в качестве организующего структуру принципа не только экономический фактор, но и фактор сознания. В отечественной медиевистике в начале 1980 гг. применение системного анализа позволило выделить структуру в сфере средневековой политической истории, точнее в реализации ее главной особенности – полицентризма²⁰.

Причина подобного равнодушия осталась неясной: могла ли купировать публичный открытый интерес статья А. И. Данилова, тогда министра просвещения Российской Федерации, в журнале «Коммунист» с осуждением попыток некоторых отечественных медиевистов принять новацию, или парадоксальность самой научной ситуации, в которой отрицалась (!) многозначность едва ли не главного достижения в философии марксизма – принципа системного развития исторического процесса²¹?

---

²⁰ *Хачатурян Н. А.* 1) Политическая и государственная история западного Средневековья в контексте структурного анализа // Средние века. 1991. Вып. 54. С. 17–22; 2) Полицентризм и структуры в политической жизни средневекового общества // *Хачатурян Н. А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М., 2008. С. 8–13.

²¹ *Данилов А. И.* К вопросу о методологии исторической науки // Коммунист. 1969. № 5. С. 68–81.

В центре теоретических попыток обновления исторического знания в медиэвистике того времени оказалась тема «фактологической истории», с ее протестной направленностью против генерализующей истории. Политизированность проблемы, подпитываемая политической ситуацией в нашей стране и Западной Европе, смягчила не столько историческая давность споров «новых эрудитов» со сторонниками интереса к философской рефлексии (казалось бы, решенных уже по научным результатам эпохи Просвещения), сколько выход, который был предложен западноевропейскими представителями направления микроистории, главным образом французской и итальянской школ (К. Гинзбург, Ж. Ревель, Р. Шартье, М. Серто), а также частью отечественных медиэвистов. Их усилиями были купированы претензии микроистории на исключительность и убедительно доказана значимость факта только в контексте типологизирующей, системной истории²². Именно эта связка обеспечивает возможность обнаружить и показать субъектный компонент в объективном историческом процессе, актором которого тем не менее является человек.

Сложившаяся тогда ситуация оставляет и сегодня ощущение недоговоренности, в частности, с заметной тенденцией к «умолчанию» вклада отечественной медиэвистики в историческое знание, созданное ею в лимитах официального марксизма и часто вопреки им.

Эта ситуация повторяет давние и ставшие традиционными попытки дезавуировать идею преемственного развития в историческом процессе и эпистемологии – соблазн так называемого «синдрома отречения». Соблюдение этого принципа в познании исключает претензии любой методологии, включая марксизм, на конечную истину, но не исключает факта влияния на формирование новой философии истории и возможности сохранения и обновления ее актива, в частности, в толковании такого концепт-явления, как «мода производства».

Попытки деструкции, как правило, обретая остроту в периоды кризисов в историческом знании, сегодня – в постмодернистской эпи-

---

²² См. материалы дискуссий в: Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999; Историк в поиске: микро- и макроподходы к изучению прошлого. М., 1999; «Одиссей»: человек в истории: Представления о власти. М., 1995; «Одиссей». Человек в истории: Ремесло историка на исходе XX в. М., 1996; *Реминисценции*. П. 1) Новая историческая наука и социальная история. М., 1998; 2) Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история: ежегодник. 1997/1998. Ч. I; 1998/1999. Ч. II.

стемологии, – казалось бы, получают убедительное подтверждение. Уходя от специального анализа деструктивного начала, действительно получившего исключительные формы в постмодернизме, позволю себе только указать, что оно противоречит опыту изучения, в частности медиевистики, которая стала колыбелью современного европейского исторического знания, убедительно демонстрируя жизненность идеи преемственности развития²³.

Последнее соображение объясняет предпринятую в статье попытку анализа проблемы собственности, прежде всего в ее главной форме – земельной собственности, поскольку речь идет об аграрном доиндустриальном обществе. В силу этого обстоятельства именно она сыграла решающую роль в механизме реализации средневековой общественной структуры.

Очевидное вещное начало в главной форме средневековой собственности оправдывает восприятие этого явления в качестве «экономического» и нашу попытку восстановить и в известной мере кон-

²³ О справедливости этого принципа, включенного исторической рефлексией в эпистемологическое пространство философии истории, убедительно рассуждает Гегель в своем университетском лекционном курсе, посвященном анализу и характеристике истории в качестве научной дисциплины. Содержательная сторона курса позволяет рассматривать его в качестве первого, или, осторожнее, одного из первых, учебников по эпистемологии истории. Гегель систематизирует категории, номинирующие формы и особенности жизни общества (фиксируемая им таким образом объективная данность, стимулирующая абстрактное мышление для формирования категорий, не ломает его концепции Абсолютного Духа в качестве креатора этой данности). Он, наконец, дает классические по точности и полноте понимания определение субъектной природы исторического знания, а также формулировку сущностного содержания феномена развития, перед которой время оказывается бессильным. При этом великий философ подчеркивал особую значимость принципа преемственности именно для гуманитарных наук, в которых, по его словам, новые знания не перечеркивают до конца (!) предшествующие знания, в какой-то мере пребывающих в живой ткани последующих. Он позволяет себе резкость, употребив применительно к знанию, лишенному корней, метафору, в которой уподобил его «голому трупу», оставившему для науки неясным ни прошлое явления, ни возможное будущее. Признание Гегелем качественного скачка в толковании взаимодействия компонентов явления развития (тезис – антитезис – синтез) исключает возможность заподозрить философа в плоском «накопительстве» при толковании явления «преемственности» – довод, к которому традиционно апеллируют критики последнего. См.: *Гегель Г. В. Ф. Философия истории. Лекции по философии истории (1837) // Гегель Г. В. Ф. Сочинения. Т. 8. М.; Л., 1929–1958.*

кретизировать картину функционирования экономического фактора в эпоху Средневековья – с надеждой получить ответ на понимание природы явления «общественное производство» и на причины «материального соблазна» в исторической мысли конца XIX – первой половины XX столетий. Оправданием нашей попытки станет признание автором статьи значимости принципа преемственности в историческом процессе и, следовательно, оправдание возможности обновления старых знаний в соответствии с эпистемологическим «принципом отнесенности».

Предложенная нами объяснительная модель решения проблемы содержит четыре основные позиции.

1. Генезис явления «собственность»

Проблема *генезиса явления «собственность»* в ее исходном и сущностном качестве средства и условия существования социума – вопрос, который важен для начальной истории любой цивилизации, представляет особый интерес в варианте средневековой западноевропейской истории.

Европейский социум в больших этнических сообществах германских и славянских народов вступил в этот этап цивилизационного процесса (с разбросом по времени), но в начальный период «новой» эры, миновав в целом – *в качестве генерализирующего* — общественное устройство, которое характеризовалось «дикими средствами» преодоления первобытной дикости, когда часть социума оказывалась в статусе «рабов». Обязаны ли европейцы этой особенностью влиянием фактора Времени, в пространстве которого действует опыт человечества в целом, но, что касается древнегерманских и галло-римских народов, их исходный этап становления общественной жизни складывался под влиянием синтеза (прямого или опосредованного) с высокоразвитой римской цивилизацией и ее относительно осознанным опытом (!) изживания рабовладельческого уклада²⁴.

²⁴ Наиболее яркие свидетельства «осознанности» этого опыта (т. е. согласованных действий членов социума) – отказ от латифундиальных форм организации производства как затратных в условиях рабского труда; медленный, но достаточно ранний процесс освобождения рабов и их испомещение на землю; постепенное исчезновение слоя свободного крестьянства, наличие которого определяло саму возможность существования рабства в качестве общественного уклада; разо-

Важность явления «собственности» в контексте заданной темы красноречиво демонстрирует его давняя и неразрывная связанность с возможностями существования человека и социума, т. е. необходимостью удовлетворения потребностей живого организма в питании, защите от непогоды и обеспечении его безопасности. Уже на исходном этапе цивилизационного развития социума, когда человек решал подобные задачи, используя главным образом дары природы – земли, леса и водоемов, – путем собирательства, охоты и рыбной ловли, – социум столкнулся с осознанием проблемы «дележа территории» и необходимостью «согласия» с соседями в варианте относительной многочисленности в концентрации его состава. Последующая история, связанная с неизбежным желанием апроприации территорий, усложнит ситуацию. Прогресс в способности человеческого социума реализовать собственную активность и творческую способность, – которая стала залогом превращения его членов в *акторов* исторического процесса, – переведет проблему «собственности» в сферу общественного производства, в котором определятся ее компоненты и «игроки» процесса – люди – орудия и объекты его труда, – а также, что очень важно, взаимоотношения между ними, постепенно лишаящиеся простоты «всеобщего равенства». Опыт «практического разума», который высоко ценил Кант, подчеркивает естественную и реальную наполненность понятия «общественное производство» и, следовательно, отнюдь не случайную значимость и на протяжении долгой истории человеческого социума – способов его реализации.

Очень медленное развитие орудий труда делало главным объектом притязаний социума землю, определив на долгое время аграрный облик общества и объясняя ее исключительную роль в многовековом периоде доиндустриального этапа в его истории.

Отвлекаясь от дискуссий относительно исходной формы собственности – коллективной или индивидуальной, – вопрос, который, по нашему мнению, не имеет однозначного решения, тем более в альтернативном контексте, будучи зависим от конкретных условий в жизни социума: его количественного состава, социальной зрелости, концентрации в местах расселения и в условиях частой смены мест обитания,

---

рившийся крестьянин оказывался не в положении раба, но колона, потерявшего землю, однако сохранившего в собственности орудия труда. В условиях социально-экономического неравенства и «мелкого» производства только собственность на орудия труда для производителя могла стать залогом развития.

если иметь в виду длительный период жизни германских племен «на марше», – наконец, от природных и хозяйственных условий жизни.

Следует тем не менее признать, что растущий потенциал социума в процессе производства стимулировал и делал возможным индивидуальные формы его реализации. Их следствием неизбежно становились имущественное неравенство и отношения социальной зависимости, которые должны были затронуть всю совокупность общественных связей.

Таким образом, номинация и содержание явления собственности не исчерпываются уже на этапе раннего цивилизационного развития – только экономическими данными, уводя исследователя в социальную, политическую и духовную сферы и подчеркивая заметную значимость самого явления производства и сложность во взаимодействии его сторон в процессе общественного развития.

Оценка интересующего нас явления в подобном контексте предполагает научную зрелость исторического знания, которой предшествовал весьма растянутый во времени предварительный период его развития. Изменения в подходах к анализу и меняющаяся глубина видения процесса исторического развития в целом объясняет необходимость второй позиции в модели предложенного в статье анализа.

2. Эволюция историографической традиции в оценке средневекового общества

Исходно в течение нескольких веков историческое знание носило описательный характер, отражая общественную жизнь на уровне политической истории. Экономические и социальные формы жизни обычно отражало правовое сознание, фиксируя их в юридических документах и памятниках. В сфере аграрной истории они давали только скупые описания форм земельной собственности и крестьянских держаний с платежами за их пользование; статус этих социальных групп, с мотивацией монопольного права на обретение земли только нобилитетом общества; фиксировали постепенное ослабление этого запрета для *rustici* (зависимых держателей), но опять-таки с исключением для них права обретения статуса благородства...

В контексте интересующего нас вопроса особый интерес представляет отход юристов и историков средневекового периода от описательного характера в эпистемологии, отразившие их попытки понять

«смысл вещей» («essence des choses»), которые пришили на раннее Новое время. Они готовили, условно говоря, оформление *концепции* сеньориально-вассального и личностного характера отношений в средневековом обществе в качестве отличительной черты общественного устройства. В рисуемой картине возникновение сеньориально-вассального характера социальных связей в среде земельных собственников объяснялось потребностями военного («système de bénéfices né de besoins de la conquête») и административного («propter officium viri») характера.

В контексте философии истории концепция демонстрировала и подтверждала общую особенность в эволюции исторического сознания – исключительную роль политического фактора в качестве первой исторической рефлексии. Вместе с тем нельзя не признать, что политическая структура Средневековья оказалась в этой концепции, связанной с земельной собственностью; именно она непроизвольно, не оговаривая причинно-следственной связи, фиксировала экономическую базу статуса нобилитета для лиц, несущих военную службу. В концепции была угадана – и нельзя не признать – самая яркая из особенностей крупной земельной собственности в западноевропейском воплощении – ее сеньориально-вассальная структура. Наконец, была отмечена ее связанность с политической властью, а также последствиями этой ситуации – «expropriation politique pour cause d'utilité privé», т. е. отмечен полицентризм в реализации политической власти²⁵. Следовательно, в концепции присутствовал слабый росток будущего «социального подхода» в объяснении особенностей политического развития.

---

²⁵ Любопытным свидетельством эволюции правовой и исторической мысли представляет попытка создания генерального свода правового законодательства во Франции адвокатом парламента А. Луазелем в начале XVII в.: *Institutes coutumières d'Antoine Loysel. (1606, 1637) / nouvelle édition par J. Dupin et Édouard Lefebvre de Laboulaye. T. I–II. P., 1846.* Последнее издание 1846 г., вобрав в себя более 900 установлений, собранных А. Луазелем, существенно дополнило его начинание коротким историческим введением, глоссарием тематического содержания для двух томов, словарем правовых норм, а также отдельными поправками первоначального текста (главным образом в части апелляций к трудам средневековых юристов и местному праву). Содержание материалов и их систематизация в правовом своде Луазеля позволила авторам введения к изданию 1846 г. только суммировать в контексте обобщающего вывода картину очевидных для его создателя трех параметров политической и общественной жизни средневековой Франции в номинации «régime des fiefs».

Угаданность тогда – пусть неполная, но отразившая в первом приближении признаки средневекового общественного устройства, должна была обрести большую глубину, – уверенность, которую современная наука оправдывает действием принципа относительности – в процессе исторического развития, развития эпистемологии и феноменного развития в целом.

Заряд оптимизма, который несет в себе этот принцип, подтверждает факт достижения историческим знанием высокой планки научной зрелости благодаря непростому, противоречивому и обремененному лимитами объективных этапов зрелости историческому сознанию. Духовную зрелость социума усложняли так называемые «тупики» человеческого сознания, которые кажутся «вечными», в частности, бинарность мышления, сопровождаемого, как правило, максимализмом в выборе собственной позиции.

Редкие радикальные обретения в философии исторического знания обрели качество очевидного принципиального изменения в XIX в., позволив считать его началом превращения исторической дисциплины в науку. Наиболее важными из завоеваний исторического сознания следует признать победу светской концепции исторического процесса, которую определила идея органического развития мира. Историческая мысль объяснила специфику органической природы исторического процесса, увидев ее в социальных отношениях и социальных институтах социума. В XIX в. в общих чертах определился *комплексный характер* предмета исторической дисциплины, благодаря признанию экономической истории в качестве индивидуального направления, успехам которого историческая наука была обязана позитивизму в качестве новой истории философии XIX в. Позитивизм легитимизировал наряду с рационализмом принцип «опытного знания». Провозглашенный им «эксперимент с фактом» обеспечил радикальный прорыв в исследовательской работе с письменными источниками. Оформление в рамках позитивизма социологии, казалось бы, обеспечило более убедительное признание идеи необходимости соединения в историческом анализе экспериментальной истории с философской рефлексией, хотя и не гарантировало ученое сообщество XX столетия от повторных дискуссий на этот счет.

Последний из наиболее важных научных успехов в эволюции европейского исторического сознания и в философии истории в XIX в., который заслуживает быть отмеченным, – стал принцип системного развития в явлениях исторического процесса.